

Мне всегда нравился мох.

Вглядываться в него, нюхать.

Иногда я просто лежу, смотрю в небо и впитываю его мягкость и влагу. Я чувствую, как мох прорастает в меня. Скоро я сам стану мхом. Пока я к этому только готовлюсь.

Иногда я сижу на скамейке, вот как сейчас. Дети говорят со мной. Это единственное, что я умею, — слушать, что мне говорят дети. Для этого хорошо быть таким медленным, как я.

Когда дети играют неподалеку, я вглядываюсь в их стремительные движения. Мне нравится та запальчивость, с которой они рвут и прикусывают травинку, продолжая о чем-то спорить. А едва прикусят, как тянутся за следующей. И эта их горячность не дает мне покоя.

Они говорят со мной так, как будто всю жизнь этого ждали — хорошенько поговорить. Они говорят так, как будто меня нет. Как будто я уже мох.

***

У меня мама с приветом. То есть я ее люблю и все такое, но чего уж скрывать.

Нет, конечно, это совсем не то же самое, что она больная на всю голову. Если о ком-то говорят «больная на всю голову» — значит, человек с придурыю. Ну или просто законченный псих, так скажем. А мама — нет. Конечно нет! Еще не хватало.

Она просто с небольшим приветом. Немного не такая, как все. Это даже довольно мило, если вдуматься. Ну если особо не обращать внимания. Если просто делать вид, будто так и надо. Тогда всё норм.

Ну вот, допустим, как тебе такое? Мы идем после школы к зубному. Я ей говорил ведь — не ходи, я сам могу. Нет, пришла в школу за мной. Еще и рюкзак, говорит, давай понесу! При всех-то. Еле увел ее. Отошли на расстояние. Я ей говорю: чего ты меня позоришь все время? Разозлился, конечно. Мне к зубному идти, и так-то не самое приятное занятие, согласишься. А тут еще мама со своей заботой. Ну ладно, несу рюкзак сам, она со мной идет. Говорит, что решила пойти, чтобы мне не страшно было, ободрить и все такое. Но дело не в этом. А в том, что по пути она забыла, что хотела меня ободрить, и случайно запела. Вот как тебе?

Идет себе взрослый человек, задумался... и ни с того ни с сего начинает петь. И знаешь — не мурлыкать себе под нос. А петь! Рот когда разевается, звуки громкие

из него вылетают. Мама у меня поет будь здоров. Хорошо хоть у нее слух есть. И голос. Но лучше б уж голоса не было. Тогда бы она просто тихо про себя пела. А тут — разливается соловьем. Не как эта голубая каракатица, конечно. Из которой еще Брюс Уиллис камни добывал. Но все равно. Я ее Леди Гага называю иногда.

Это не первый раз, я привык. Но от нас люди шарахаются. А я улыбаюсь. Что еще остается? Только идти и делать вид, что так и надо. Что так и было задумано. Что вот идет человек, и ему хорошо. И мне рядом тоже. Никто ж не видит, как мне на самом деле.

Сначала я притворился, что я не с ней. Но сам-то как думаешь, нормально это выглядит? Ковыляет такой мальчик сам по себе, а за ним тащится взрослая тетка и поет во весь голос. Сразу ведь понятно, что они заодно.

Вот как думаешь — чего она поет? Она в детстве даже в хор не ходила, я специально узнавал. И не сказал бы, что она прямо каждый месяц в оперу ходит или куда там еще... в консерваторию, чтобы арии слушать. Нормальная она женщина. Во всех остальных отношениях. В гости ходит, в магазин, в бассейн. В кино со мной и с папой. Ни в какие такие специальные певческие места она не ходит. И вдруг — вздох — и ка-а-ак заведет...

Я ей говорю: вот что ты сейчас поешь? Ты даже слов не знаешь. Ты услышала где-то полфразы, запомнила и повторяешь. Еще и от себя додумываешь. Подсказываю ей даже иногда слова, а то неудобно, что она путает их, люди же слышат. Она говорит — так ведь клевая

мелодия, она сама случайно привязалась. Оправдывается. А чего оправдываться? Уж если поешь, я считаю, так скачала бы слова, что ли. Чтоб не позориться.

Короче, контролирую ее чутка. Вижу, что ей песня какая-то понравилась, сам, бывает, залезу, слова ей качну и скину. Пускай, раз ей нравится. Жалко, что ли. Люди только не понимают этого. Люди у нас, сам знаешь, без понятия. Я вот боюсь, что, если она запоет где-то без меня, мало ли вдруг, а там придурки какие-нибудь рядом окажутся. Не хочу, чтобы они смеялись. Как подумую об этом, аж чешусь весь изнутри. До того тошно.

Поэтому я ей говорю, не задумывайся ты без меня. Просто идешь куда-нибудь, думай – куда идешь. И всё. Типа – я иду в магазин за молоком, я иду в магазин за молоком. А она так странно на меня посмотрела и давай напевать: «В магазин за молоком, в магазин за молоком» – на мотив группы «Квин», можешь себе представить? Я чуть не лег там.

Я говорю – тебя оборжут ведь на улице. Она говорит – ну и что. Вот я же сразу сказал, с приветом она. Что с ней поделаешь.

Отец причем самоустранился от проблемы. Ему-то хорошо, она при нем не поет. Стесняется, наверное. Ну или не хочет отношения портить. Или, может быть, он ей раз и навсегда сказал, чтобы она не пела, и она послушалась. Он-то взрослый и муж все-таки. А я, выходит, раз ребенок, то меня и слушать не надо. И стесняться нечего. Можно как угодно себя вести.

Я папе говорил, слушай, у нас мама поет громко и при всех, скажи ей. Он вообще на это забил. И мне, главное, говорит, не бери в голову! Да как не бери-то? Она же при мне поет. Я рядом иду. И люди смотрят. А он – учись отвечать за себя. Вот что он этим хотел сказать? За себя-то я отвечаю как раз, научился уже за столько-то лет. Хватит уже мне напоминать.

Короче, я больше с этим делом к нему не суюсь. Он тоже странный. Не в смысле «с приветом», это у нас по маминой части. И не с придурью. Нет, избави бог, как бабушка говорит. Он просто странный. В детстве до трех лет молчал – бабушка мне призналась. Ну и сейчас не могу сказать, что он шибко разговорчивый. Разговорчивый у нас в семье я. Ты заметил, наверное. Ага, уж как есть.

Это я только с одной стороны мамин «привет» обрисовал. А вообще за ней разное водится. Допустим, в магазине стоим на кассе. Доходит до нас очередь, ей выбивают одно за другим, я в сумку перекладываю. И вдруг она своим ангельским голоском: «Какие у вас ногти чудесные!» Ну ёк-макарёк...

Кассирша чуть не подпрыгнула в своей будке. А ногти у нее были – не ногти, а пилы – длиннющие. Фиолетовые с желтым и все в бусинках. Жуть кошмарная, на мой вкус. Но ей идет, самое смешное. Органично с ними смотрится. Она как-то плавно в эти ногти перетекает, они у нее прямо как лаковые пинцеты. Как навороченный трансформер, короче. «Сиксган Делюкс». Да она

и сама такая, немного фиолетовым отликает. Ну ты знаешь, кто у нас на кассах сидит.

Не, я ничего такого не имею в виду. Вообще, если честно, я давно думаю замутить с этой кассиршей. Вот еще годик, и, пожалуй, можно будет начать к ней подкатывать. Не знаю, ты как смотришь? Дождется она меня? Я ж у нас парень хоть куда, сам видишь. Шучу.

Я застыл, помню, маме глазами делаю, мол, замолчи и пошли отсюда. А кассирша от удовольствия расплылась, спасибо сказала. Вот кому какое дело, какие у человека ногти? Мне вот кажется, что лучше не замечать, что и как у человека. Вдруг он, наоборот, этого стесняется. А ты ему — ах, я заметил ваши ногти. А ногти, может, у него давно в печенках сидят, снятся ему в ночных кошмарах. Он, может, их сменить хочет уже сто лет, но просто времени нет или денег. А ты такой — ах нет, я все вижу, все ваши ногти как на ладони.

Я маме говорю: вот чего ты к ней с этими ногтями прицепилась? Это же неприлично так говорить. А мама мне на это — просто она какая-то грустная была. А стала радостная.

Вот маме надо весь мир переделать. Чтобы все вокруг радостные были. Неужели непонятно, что так не бывает? Все равно будет кто-то грустный. Потому что ведь мама же не может оказаться сразу во всех местах. А грустные — они во всех местах сразу. Потому что у нас мир такой. Даже я это уже понял.

Кстати, я заметил, что грустных гораздо больше становится перед праздником. Они как будто специально к празднику свою грусть наращивают, чтобы нормальным людям жизнь портить. Ну не то чтобы портить, а просто чтобы все вокруг не особо-то радовались. Типа, радуйтесь, но в меру. Помните, что грустные тоже в этот момент в мире имеются. И вроде как надо на это обратить внимание. И поскромнее быть. Нет, мне жалко, что не у всех, может, счастья полные штаны, но что же мне теперь, не смеяться, что ли?

Мне вот кажется, что, если я хохочу и в этот момент забываю, что где-то есть тот, кто не хохочет, — это нормально. Может, я своим хохотом в этот момент кому-то жизнь улучшаю. Об этом тоже ведь не стоит забывать. Может, я своим хохотом перекрываю тот вред, который от грустных исходит. И миру от моего хохота становится лучше. Вроде как я уравниваю своим хохотом грусть. Ну ты понял, что я имею в виду.

Иногда мне даже хочется таким грустным сказать: а вы не пробовали сами-то посмеяться? Или кто-то специально смешить вас должен? Какие-то клоуны? Специальных клоунов для смешения в жизни не бывает. Надо самому искать, чему порадоваться. Не всегда же придет на помощь моя мама, чтобы похвалить ваши ногти. Мне иногда тоже плохо бывает, прямо хоть ори. Особенно раньше было, сейчас уже привык. Выкручиваюсь как-то, нахожу способы. Да и парни наши не дадут закиснуть, это надо прямо сказать.